

Собиратели русского фольклора и их дневники: архив Эстонского литературного музея¹

Николай Антропов

Центр исследований белорусской культуры,
языка и литературы НАН Беларуси
antropov50@gmail.com

Аннотация. В «русской коллекции» фольклорного архива Эстонского литературного музея (г. Тарту) хранятся полевые дневники собирателей – студентов Тартуского университета, проходивших фольклорную практику в музее. Эти дневники являются ценными памятниками периода конца 1930-х гг., в которых отразились быт местного населения Причудья, условия его социальной и духовной жизни. В работе анализируется содержание дневниковых записей собирателей в соответствии с общими темами и мотивами.

Ключевые слова: Эстонский литературный музей, «русская коллекция», фольклор, дневники собирателей, русские Эстонии

Весной 2017 г. автору статьи посчастливилось работать в Эстонском литературном музее (г. Тарту) в рамках совместного с Центром исследований белорусской культуры, языка и литературы НАН Беларуси проекта о взаимном повышении научных и образовательных возможностей и интернационализации гуманитарных и социальных научных учреждений при поддержке и финансировании Министерства иностранных дел Эстонии и Эстонской академии наук. Наряду с богатейшими материала-

ми, записями русского фольклора 1930-х гг., которые бережно сохраняются в архиве музея², в так называемой русской коллекции, в пяти томах (ERA Vene) содержатся полевые дневники собирателей – студенток и выпускниц Тартуского университета, проходивших фольклорную практику (или временно работавших) в музее: Валерии Егоровой, Нины Валькевич-Розовой, Ольги Громовой и Зои Жемчужиной. Корреспондент в г. Тарту (тогдашний г. Юрьев) русскоязычной газеты «Вести дня», выходившей в Таллинне в 1926–1940 гг., А. Соколов писал в одном из очерков о студентах университета: «...не только кропотливый труд над анатомией мертвых языков – удел филологов. Летом у них поставлена интересная и живая задача по сбору фольклора. В поисках его студентам приходится обходить русские деревни, участвовать в сельских празднествах, гуляньях, сводить знакомства с старожилами деревень, записывать поговорки, сказанья, песни» (А. С. 1933, 2)³. Об этом же вспоминает и В. В. Шмидт, в те годы также студентка Тартуского университета: «Мы, филологички, по инициативе П. Аристе подрабатывали этим, т. к. тогда за собранные тексты нам платили. <...> В материалах был в 1930-е годы заинтересован и Литературный музей (см. фонды ERA Vene и ВКМ)» (Шмидт 1999, 293).

Представляется вполне вероятным, что среди оснований по организации собирательской работы в русских селах Эстонии для ее инициаторов – профессоров Тартуского университета П. Аристе и П. Арумаа – были также соображения, изложенные (в связи с собственными экспедициями) в одном из писем известного литератора и общественного деятеля русского зарубежья того времени Л. Ф. Зурова: «Нужно помнить, что этнографическая работа серьезно там [в Печорском крае] никогда не велась, а соседняя ныне находящаяся за советской проволокой земля потеряна для науки навсегда, т. к. все население тридцативерстной полосы насильственно снято за последние годы советской властью и переселено в центральную Россию. Это очень большая потеря, т. к. мы никогда уже не сможем провести там работы по топонимике и этнографии» (Балтийский архив 2013, 22).

Не будет преувеличением отметить, что дневники собирательниц русского фольклора являются своеобразными рукописи-

ными памятниками эпохи перед началом советской оккупации Эстонии 1939–1940 гг. и Второй мировой войны, кардинально изменивших состав русского населения Причудья и Принаровья, его быт, материальную составляющую, условия социальной и духовной жизни⁴.

1. Краткие биографические сведения о собирателях по доступным источникам

1.1. *Валерия Егорова / Valeria Egorov*: (ERA Vene 8, 390–402; ERA Vene 10, 585–645, 63 фотографии). Записывала фольклорные и этнографические материалы в Причудье (март, июль 1936 г.) и Печорском крае – от второй половины мая до сентября 1937 г. Следует предположить, что в этих экспедициях она была временным работником музея, причем, по данным ее личного дела в Национальном архиве Эстонии (Rahvusarhiiv; ERA.2966.7.1075 Egorov, Valeria; «Arbeitsausweis Nr. 10692» на 3 страницах)⁵ уже не вполне студенческого возраста: дата ее рождения 6 июня 1895 г. Там же указано и специальное образование («Fachschulbildung») – не филологическое: «Ped. Klasse Geograph. Inst.». Однако какое именно учебное заведение окончила В. Егорова, неясно, так как в деле в соответствующей графе на даты от «2. I. 1935» до «30. X. 1940» сведений не имеется («Ohne Nachweis»). Но уже со следующего дня 1 ноября 1940 г. она является учительницей в 13 городской школе Тарту: «Dorp. XIII Volksschule». К сожалению, иных достоверных сведений о ее жизни после 1942 г. обнаружить не удалось.

Успешная полевая работа В. Егоровой была очень положительно оценена в отчете о фольклорной экспедиции 1937 г., в котором автор с инициалами R. V. отметил, что практикантка «привезла с собой редкую большую и богатую коллекцию, [все-го на] 1271 странице» (R. V. 1937, 101)⁶. Об исключительном территориальном охвате ее деятельности как собирателя-полевика только в летней экспедиции 1937 г., во время которой было обследовано 37 деревень⁷, свидетельствует следующая дневниковая запись⁸: «Теперь перечислю деревни, в которых я

собирала материал: в Печерской волости – Большая и Малая Пачковка, Новые Бутырьки, Подавѣлица, Тайлово, Бабино, Уланово, Пельсна, Ляптево, Арѣстово, Бекшино, Залесье, Верѣбово, Скърмицыно = Сыромятино и Стуколовка; в Сеннской волости – Печкѣ, Бóльшие и Меньшие Кáлки, Большие и Малые Цѣдовичи, Варáпоново, П Горушка, Усадище, Лѣсецка = Лисички, Новая деревня, Иваново болото, Лукѣ, Подарáмье <...> Сенно; в Изборской волости – Старый Изборск, Малк, Вязьмо́во, Велие, Кряково, Кончки, Ва́сць» (ERA Vene 10, 589–590).

1.2. *Нина Григорьевна Валькевич / Niina Valkewitš* (Valkevitiš; в замужестве с 1938 г. Розова / Rozov; 1914, Псков – 1988, Таллинн): ERA Vene 11, 9–25, карта; опись; 10 фотографий. Записывала фольклорные и этнографические материалы в Печорском крае: в родном селе Лавры⁹ (август 1936 г.; несколько записей); Лавровской и Ротовской волостях (апрель, июнь 1938 г.; вместе с мужем¹⁰). Окончила Печорскую гимназию [Petseri Ühishumanitaargümnaasium] в 1932 г. и философский факультет Тартуского университета *sum laude* в 1938 г. С 1933 г. была членом Общества русских студентов Тартуского университета. Упомянутая выше В. В. Шмидт, которая знала Н. Г. Валькевич и по университету и по Обществу русских студентов, вспоминает о ней так: «Нина Валькевич... обладала прекрасной памятью, знала наизусть большие куски из “Энеиды” Вергилия, легко усвоила польский, но не старалась, не проявляла интереса ни к учебе, ни к туалетам, ни к своим успехам – она была красива, с чертами матери-польки, рано умершей. Бывало, в скромной белой блузке, она среди других блестящих барышень в балльных платьях танцует весь вечер, меняя кавалеров и не изменяя рассеянно-равнодушного выражения лица, которое так шло к ней. Вырастил ее и двух младших сестер, рано осиротевших, отец, который передал им налет равнодушия к житейским благам и сердечное расположение к людям» (Шмидт 1999, 295).

После Второй мировой войны Н. Г. Валькевич работала в Библиотеке АН ЭССР» [до 1946 г. и ныне – Библиотека Таллиннского университета. – Н. А.]¹¹.

Г. М. Валькевич с дочерьми Зоей, Ириной и Ниной. Вероятно, между 1936 и 1938 гг. (Кузнецова 2017, 134)

1.3. *Ольга Николаевна Громова / Olga Gromov* (в браках: Сорокина / Sorokin / Васильева / Vasiliev; 1916, Тарту – 2016, Беркли, США): ERA Vene 12, 655–682 («Путевые заметки»); карта. В течение двух месяцев лета 1938 г. (28 июня – 25 августа) записывала фольклорные материалы в селах Причудья (в дневнике упоминаются Сыренец, Скамья, Ям, Кáроль и др.).

Родилась в русско-эстонской семье; училась на русском (окончила Тартускую русскую гимназию), эстонском и немецком языках, позже освоила французский и английский. В Тартуском университете изучала сначала химию, но затем перешла на философский факультет, получив в 1942 г. степень магистра по славянской филологии. В 1944 г. вместе с мужем Ю. А. Сорокиным (1915–1969) эмигрировала из Эстонии вначале в Германию, а затем в 1951 г. – в США. Получила гражданство США в 1957 г. В 1959 г. поступила в аспирантуру на кафедру славянских языков и литератур в Калифорнийском университете в г. Беркли. Под научным руководством Г. П. Струве защитила диссертацию о писателе первой эмигрантской волны И. С. Шмелеве¹² и получила степень доктора философии в 1965 г. До выхода на

пенсию в 1983 г. преподавала в Беркли (Пономарева 2003, 412; Пономарева; Шор 2008, 282–283; Raevsky Hughes et al. 2017).

О. Н. Сорокина-Васильева (Raevsky Hughes et al. 2017)

1.4. *Зоя Павловна Жемчужина / Zoja (Soja) Žemčužina* (Schemtshu-shin / Žemtšužina; в замужестве Полякова / Poljakov; 1912, Псков – 1972, Таллинн¹³): ERA Vene 12, 9–14, 419–426; также краткие заметки об информантах перед записями. Записывала фольклорные материалы с 2 по 21 января и с 10 июня по 15 августа 1939 г. в деревнях Изборской волости (в дневнике упоминаются Старый Изборск, Конечки, Вастцы, Брод, Большие Мильцы и др.).

З. П. Жемчужина-Полякова (URL: <https://www.geni.com/people/Zoja-Poljakova/6000000174120624313>)

Окончила Печорскую гимназию в 1931 г.¹⁴ По данным «Album Academicum Universitatis Tartuensis 1918–1944», училась на отделении славянской филологии Тартуского университета в 1931–1937 гг., однако дневниковые записи, датированные 1939 г., свидетельствуют о том, что она, вероятно, была в Литературном музее временным работником, для которого экспедиционная работа являлась дополнительным заработком. Это подтверждается данными Национального архива Эстонии (URL: <https://www.ra.ee>), где Žemtsūžin, Zoja (с 1937 г. Полякова¹⁵) упоминается в числе сотрудников Tartu Kommertskool в 1937–1938 гг., а между тем известно, что «<...> в некоторых гимназиях и торговых школах русский язык изучали в качестве второго или третьего иностранного языка» (Пономарева 2003, 405), т. е. вполне логично предположить, что Зоя Жемчужина там, т. е. в коммерческой школе, работала. Это подтверждается также материалами довоенных архивных дел Зои Поляковой-Жемчужиной: Poljakov, Zoja; Arhivaal Rahvusarhiiv Tallinnas ERA.R-1106.2.218 («Toimik»); ERA.R-1106.2.539 («Трудовая книжка»). Здесь же упоминаются и иные (или переименованные) средние учебные заведения Тарту, в которых она работала учителем, в частности, IV Тартуское реальное училище («Määratud Tartu IV Realkooli»).

Более поздние сведения о ней периода войны не вполне определены. В неизданной повести Н. Н. Белова «Борьба в подполье» о партизанах и подпольщиках на территории Печорского района, в частности в Изборске, в 1941–1944 гг. неоднократно упоминается Валентин Поляков – помощник дорожного мастера, «прапорщик запаса буржуазной армии Эстонии», а в одном месте (по тексту можно понять, что речь идет о лете 1944 г., но до августа, когда Красная Армия вошла в Изборск) также Зоя Павловна Полякова, которая переводила на немецкий язык текст листовки¹⁶. Безусловно, выпускники Тартуского университета свободно владели немецким языком, поэтому можно предположить, что она и Зоя Жемчужина – это один и тот же человек. Это косвенно подтверждается следующим фактом: на личном деле Зои Поляковой («Toimik»), имеется собственноручная запись с подписью «Z. Poljakov» от 28.V.1943 о том, что

документы получены ею лично («Olen oma dokumendid kätte saanud»), т. е. вполне вероятно, что в конце мая этого же года она из Тарту уехала в Печоры к мужу. В соответствии с данными послевоенного архивного дела З. П. Поляковой (Poljakova; Zoja Pauli t. LVMA.64ОНА3к. Rahvusarhiiv Rakveres), она с 1956 по 1968 г., т. е. до выхода на пенсию, если судить по дате рождения, работала в Таллиннском техникуме легкой промышленности¹⁷.

2. Содержание дневниковых записей

Хотя все дневники носят индивидуально-авторский характер, все же общая цель описания экспедиций по сбору фольклорных материалов предполагает и наличие общих мотивов. К ним относятся следующие: 1) маршруты, которые в двух дневниках сопровождаются картами-рисунками; 2) условия работы; 3) быт, материальные условия жизни местного населения; 4) традиционная духовная культура; религиозная и светская жизнь; 5) будни и праздники; 6) портреты и характеристики информантов; 7) заметки о местных диалектах.

2.1. Маршруты и карты

Описания экспедиционных маршрутов присутствуют, естественно, во всех дневниках, хотя и не всегда такие подробные, как в дневнике В. Егоровой (см. выше). Карты, как уже было отмечено, находятся в двух дневниках – Н. Валькевич-Розовой и О. Громовой. Первая из них особенно подробная: отдельными значками отмечены «селение», «хутор», место одной ночевки и «путь», т. е. маршрут с указанием стрелками направления движения (таким же образом маршрут показан и на карте О. Громовой). Населенные пункты («селения» и «хутора») нанесены в их границах и заштрихованы. На обеих картах присутствует масштабная линейка, а на карте О. Громовой – также направление сторон света, принятого в картографии, т. е. север – юг: «N – S».

2.2. Условия работы

Во всех дневниках содержатся рассуждения об условиях сбора материала, на которые прямо влияла трудовая занятость потенциальных информантов, близость границы с СССР, подозрительность местных людей, опасения чужих и т. д. Ср., например:

Лето, несмотря на все остальные преимущества, является, все-таки, неблагоприятной порой для сбора материала – слишком все заняты. Идеальным в этом отношении являются, конечно, только воскресные и праздничные дни, когда каждый «на свободке», за приятными воспоминаниями, может провести пару часиков (В. Егорова);

Самый интенсивный период, в смысле количества полученного материала, был до Иванова дня, когда народ, еще более или менее свободен – посева произведены, а пора сбора еще не наступила. Начиная с Иванова дня возможность сбора материала постепенно начала падать (В. Егорова);

[Местные] очень подозрительны и из-за близости границы (с СССР. – Н. А.) очень боятся; сплошь и рядом можно услышать: «Бог знает, что мне тяперя за это будит что я тябе наговорила». Особенно мужья не позволяют женам ничего рассказывать. Но самое главное то, что в любой деревне можно что-нибудь узнать только вечером. Днем люди злые как собаки, лучше не суйся (О. Громова);

Большое разочарование представилось мне и у старообрядцев, которых, кстати, очень много в Черном. Они настолько фанатичны, что кроме сеней никуда не впускают (О. Громова);

<...> как это ни печально, необходимой предпосылкой к сколько-нибудь успешному сбору матерьяла, является вино, которое очень благотворно действует и «развязывает рот» (его там употребляют даже почти все жен-

щины). В семьях, где есть маленькие дети, приходится им покупать сладости, это очень подкупает (В. Егорова).

Однако не так уж редки и случаи гостеприимства вроде следующего:

Старушку Быстрову застали в огороде, поливала капусту. «Да што вы, ронненькии, неужто я вам здесь на грядках песни петь должна, пойдете-ж хоть в избу». Говорила так быстро, что едва можно было записать. Гостеприимная и приветливая, предложила нам есть и даже в баню сходить. Первый раз назвали нашу работу «работой»: «работаете, ронненькие, весмо заморились ходить-то» (Н. Валькевич-Розова).

2.3. Быт, материальные условия жизни местного населения

Наблюдательные собирательницы, в особенности Зоя Жемчужина, чьи записи приводятся ниже, фиксировали также особенности быта, обычной жизни своих информантов:

Большую частью все дороги деревенские занесены снегом. Расстояние километра в 4–5 приходилось идти около 2–3 часов. В избах ужасный холод. Почти в каждой избе только одни рамы в окнах, т. [ак] что снег на них лежит толщиною в 3–4 сант. [иметра] Люди весь день сидят в избах в шубах и валенках (или лаптях). От холода окна почти сплошь закрыты тряпками или соломой, т. [ак] что от этого в избе полумрак. Записывать сказки в таких избах приходилось только до 2+ ч. [асов] дня. Лампы зажигают очень поздно и то только часа на 2, не больше. Но в большинстве случаев это не лампы, а «коптилки», при свете которых с большим трудом можно читать книгу или газету;

С ночевкой в деревнях зимою устроится невозможно, из-за отсутствия места в избе. Семьи у них большие и в

одной избе спит человек по 5, а иногда и больше. Конечно и «квартира» у них небольшая, всего – одна комната.

2.4. Традиционная духовная культура, религиозная и светская жизнь

Эти фрагменты дневников, естественно, весьма информативны, так как напрямую связаны с непосредственной работой по сбору полевого материала. Практически все авторы едва ли не сразу обращают внимание на «суеверную» составляющую традиционной культуры, которая буквально пронизывает быт местного населения. Вместе с тем столь же существенна и жизнь религиозная, связанная с церковью и церковными праздниками (об этом см. ниже). Особенно последовательно и строго данная часть духовной жизни проявляется у последователей древлеправославной веры – старообрядцев, которые до сих пор занимают значительное место среди русского населения Эстонии. Однако «городские» веяния проникают и в сельскую местность, особенно в молодежную среду. Ср. следующие избранные отрывки из дневниковых записей:

Первое, что, конечно, сразу же бросается в глаза – это страшное суеверие, которое там еще по сей день не знает пределов (я имею в виду старое поколение, с которым больше всего имела дело и которое меня особенно интересовало) (В. Егорова);

До сих пор еще, их вся жизнь, если так можно сказать, построена на сплошном суеверии... На каждом шагу все только и приходилось слышать: «это-то произошло с глазу» (самая распространенная форма суеверия), «а тот-то “ему” или “ей” сделал то-то» или напустил такую-то напасть (будь это болезнь человека или какой-нибудь скотины, или неурожай, или кража, или пожар...), или: «надо сходить к знахарю чтобы он отворожил» <...> (В. Егорова);

Но, в общем, надо сказать, край темный, суеверный и боязливый. Нередко приходилось слышать фразы: «А можа мне что за это будя, што я говорю? Можа, мяня в тюрьму посадят?». Или: «Я тебе так расскажу, ты не пиши» (Н. Валькевич-Розова);

<...> я с священником пошла к старику Шутову по прозвищу Блоха. Надо заметить, что кроме фамилий, почти все имеют прозвища, но по прозвищу в глаза не зовут – это считается оскорбительно. На уговоры батюшки Шутов рассказал мне про «кулдунов», про «порчу», причем говорил он очень толково и обстоятельно. <...> Т. к. он был грамотный, то пытался мне говорить некоторые стихи Пушкина и не мог понять, почему я ими не интересуюсь. Когда я сказала, что меня интересует старина, то он махнул рукой и заметил: «Да што, дураки то люди в старину были, няграмотные; рази можно такими быть? Всё худое от тямноты ихней было» (О. Громова);

Тут пришла старуха Матрена, гроза богаделенок, и сказала, что «молиться нам надо, а не песни петь», и тогда уже никто не открывал рта. Положив подаяние на божницу, мы собирались уйти, но старухи нас не пустили: «Погодите, надо помолиться, у нас правило такое. И тут все девять старух в унисон «пропели» молитву, <...> кланяясь земно и крестясь (Н. Валькевич-Розова);

Большинство, огромное большинство старых людей не знают <...> легенд и чудес различных святых, им знакомы только имена святых. И молодежь, конечно, ничего об этих легендах не знает. Ее занимают частушки и... увы! модные песенки (шлагеры). А, если кто из них побывал в городе и ходил в кино, тот с интересом из уст в уста передает содержание какой-нибудь кино-фильмы. Пытались и мне преподнести подобный «фильм» «под соусом» «древней» сказки (З. Жемчужина).

2.5. Будни и праздники

Обычные, будние дни в дневниковых записях упоминаются всеми авторами едва ли не исключительно в контексте того, что препятствует полевой работе. Вот типичный пример из дневника Ольги Громовой:

[Старуха Безаборкина] говорила охотно и с авторитетом, некоторые фразы даже несколько раз подчеркивала и видно сама свято верила во все те заговоры и кулдуны, про которые, говорила. Просидела я у нее с полчаса, вдруг она поднялась: «Чем мне времени с вами барышня толковать – хозяйство в мяня ждет. Я советую тябе сойти к Анны Любимовой, там домок желтенькой, а рядом баня, так вот за баней второй дом».

Как правило, иная ситуация наблюдалась в вечернее время и воскресенье, когда потенциальные информанты были сравнительно свободны. В записях всегда обращается внимание на тех местных жителей, кто по тем или иным причинам не может работать, прежде всего из-за возраста и/или болезни.

Все авторы пишут также и о праздниках – общецерковных и местных. Казалось бы, это благоприятное время для полевой работы, но на самом деле при сборе материала исследователи также сталкивались с трудностями, но уже иного характера, ср. в записи Нины Валькевич-Розовой:

19 июня утром пошли к Марфе, беседовали с ней, затем пошли в Лавры, чтобы идти оттуда с крестным ходом в Шумкѣ, «свѣщенье» (освящение) часовни. Сделали снимки. Там ничего не удалось записать, потому что все праздновали, пили бражку, принимали гостей.

Наиболее подробные сведения о праздничных днях лета 1937 г. в русских селах Печорского края оставила Валерия Егорова:

Теперь, несколько слов о «праздниках». «Праздники» можно разделить на местные и общие. Сначала – о местных праздниках. Каждая деревня празднует свои

местные – «собственные» праздники и, кроме того, «припразднуешь», это значит, празднует праздники соседних деревень. Не считая таких праздников, как Рождество, Пасха, Троица, «собственных» праздников бывает в каждой деревне от одного до трех раз в году. Праздники бывают «годовые» и «престольные». Если в деревне есть церковь, то «годовой» и «престольный» праздники совпадают, празднуются вместе, в один день... И такой праздник бывает один раз в году, если в церкви только один престол; в большинстве же случаев церкви бывают двухпрестольные, поэтому и праздников в году бывает два;

<...> часам к трем на улицах уже начинает появляться сначала молодежь (раздаются песни, слышится гармонь, балалайка), а через час-другой и старухи, и старики даже высыпают на улицу. Теперь «заводятся» старинные песни, хороводы, начинают плясать... «Гуляют», главным образом, на главной улице... Тут же и молодежь устраивает свои танцы (танцуют «кадрель» и «тыница» – так называются все танцы вообще <...>). Где-нибудь, в центре деревни, появляются столики, а то и просто ящички и корзинки со сладостями, даже, появляется стол с самоваром и булками [мне такое «гулянье» удалось заснять¹⁸];

Угощение на День русского образования в Печорах. 11.07.1937;
Печки

В большинстве домов ожидали гостей человек по 25–30, а в том доме, где мне случилось остановиться, число гостей достало 40 человек. Празднование, как и всюду, длится трое суток, и каждый «угощается» (т. е. ест и пьет) «до отказа»;

Для интереса, сколько времени, от работы, у крестьян отнимает празднование: «собственных» праздников, а, главным образом, «припразднование», приведу маленький пример: я в Печках провела около шести недель... За это время в деревне были следующие «нерабочие» дни:

23, 24 мая¹⁹ – праздники, 25 – «опохмелки»;

29 июня – Петра и Павла – «припраздновали» с деревней Лукѣ;

16 июля – Ильинская пятница (в Зачернье) – всеобщий, особо чтимый праздник, некоторые даже «опохмелялись» только 19-го, т. к. 18-ое было воскресенье;

*20 июля – Ильин день – «трипраздновали» с д. Видовичи;
6 августа – Преображение – собственный престольный
праздник.*

Церковная служба²⁰ на День преображения. 06.08.1937; Старый Изборск

2.6. Портреты и характеристики информантов

Все авторы дневников вспоминают, разумеется, своих информантов. Как правило, это женщины старшего, порой преклонного возраста, но нередко и старики. Детский фольклор записывался, естественно, от детей, которых собирательницы угощали конфетами. Этих записей довольно много у каждого из авторов, поэтому ниже приведены лишь некоторые из них:

Что касается возраста «моих объектов», то мужчин, стариков, выше 75 лет, мне не пришлось встретить, женщин же мне посчастливилось видеть значительно более старых; одной старушке было 113 лет, второй 100, затем 96 лет третьей, потом были 92 лет, 89, 85, 84 и 80 лет. Эта 113-летняя старушка, по-моему, феномен – она совершенно нормально слышит, сама, без очков, вдевает нитку в иголку, довольно хорошо еще ходит («про всякий sluцьяй») имеет в руках палку). Только глубокие, очень глубокие морщины говорят, что она живет на свете «второй десяток за другую сотню» и руки у нее холодные, как лед (В. Егорова);

Из «сказачников», в первую очередь, надо отметить старика Гричманова из Велія (как раз зятя 113-летней старушки), имя которого известно далеко в округе. Этот старик своими сказками в такой мере популярен (по показаниям его слушателей, число его сказок заходит далеко за полторы сотни), что за целую зиму его почти не встретила дома – его возят по деревням, из деревни в деревню, где его и содержат целыми неделями. Днем народ работает, а вечером вся деревня (и мужики, и бабы, и дети, и старики, и старухи) сходится в ту избу, где в этот день дедушка находится, и начинают слушать. Раньше полуночи уже редко кто уйдет домой, а некоторые, любители, сидят «до свету». Потом, старика покормят, и он ложится спать, до вечера, и так изо дня в день, пока он гостит в данной деревне (В. Егорова);

Вечером ко мне пришли на квартиру бабы – говорили песни, загадки, заговоры, но самое замечательное было то, что многие не желали открывать своего имени и тем паче год рождения или подобные сведения из своей биографии (О. Громова);

Пошли к Я. Нахимову. Тот охотно, вместе с женой, рассказывал нам, что знал. Узнали от него, что в двух

шагах живет песенница Иринья Ой; к ней и направились. Она охотно согласилась спеть нам свадьбу и пела (!) четыре часа. Женщина очень приветливая, добродушная (Н. Валькевич-Розова);

<...> Августа ШмUTOва – старая дева с удивительным воображением и претензией на образованность. Я удивилась насколько люди в деревнях различны: одним, чтобы добиться цели, надо сказать, что их в газетку поместят, другим, что в радио попадут и т. д., а эта прельстилась тем, что <...> пойдет в университет, хотя ясного представления, что такое университет, она не имела. Рассказывала она обо всем с легким оттенком презрения – вот, мол, старые темные люди так веруют (О. Громова);

Пришлось мне иметь дело и с ворожеями (две ворожеи и один колдун): Голубева (Ст. Изборск), Севериков (Малк) и Томфлина (Б. Калки). Все они, особенно последние двое, очень популярны в окрестности. Мне от них удалось кое-что узнать, что они сочли для себя возможным сказать, правда, по особой «протекции» и за плату (каждому из них заплатили «за визит» по кроне) (В. Егорова);

Из Дюка, где у меня ушло лишь два вечера, я пошла дальше в Большую Переволоку. Попала я к Марфе Шилоной – ужасной пьянице. Она большую часть своей жизни пьяная, чем трезвая. Вначале, когда я к ней обратилась, она меня сочно выругала, не стесняясь в выборе слов, но после того, когда я со своей стороны вытащила запас ругательства, слышанных в этом же краю, – баба стала очень тихой и стала мило отвечать на мои вопросы (О. Громова);

На улице поймала ребятнишек – они охотно рассказывали свои игры и стишки. С ребятами везде в деревнях такая картина: говорят они быстро и сбивчиво, т.[ак] ч.[то]

слово в слово записывать не целесообразно, приходится самой излагать содержание, конечно, за исключением стишков. Приходилось ребят угощать конфетами, а после они меня толпой провожали чуть не по два километра (О. Громова).

Детская игра «В боярь»

2.7. Заметки о местных диалектах

Так как тексты дневников создавались филологами, в четырех из них (кроме дневника З. Жемчужиной, в котором, однако, приведены аутентичные записи местной речи) определенное внимание уделяется также основным особенностям местных говоров, причем следует отметить наблюдательность, хороший слух и профессиональную языковую подготовку авторов, ср. в следующих фрагментах:

Что касается говора, то здесь, всюду, конечно, преобладает «цоканье» («цъто», «зацим», «цяс», «цяво»...); к сожалению, чистого языка почти уже больше не встретить, в большинстве случаев книжный язык отложил свой отпечаток... вопрос только в степени его влияния и, понятно, чем ближе к Печерам, тем язык менее характерен (В. Егорова);

Разговор в Принаровском краю на у²¹: одеяло – удеяло, ухотиться, уткрывать, угурец (огурец). Окончание неопределенного склонения [т. е. инфинитива. – Н. А.] твердое: спат, идтит. Кроме того глаголы: съестит, взястит, дастит имеют двойное окончание. Спрягаются следующим образом [в оригинале в столбец. – Н. А.]: Съестю / Съестишь / Съестит / Съестим / Съестите / Съестю / Съести! / Съестите! и т. д. <...> У третьего лица множественного числа окончания нет в настоящем времени.

Затем слова: здесинько, давесенько, теперенько – встречаются только в Принаровском [крае]. Петь – называется пэят; я пёю, ён пéет, яны пёю, пеяли, будут пеят.

Кроме того изменения в словах: плясать – припляхыват, спрос – спрахыват и т. д. [т. е.] вместо с и ш говорят часто х.

Встречается наравне со всем этим и аканье: пячать, яна, ня пуйду. <...> Общее слово для кладбища и в Принаровском и в Причудском [краях] мóгилы (О. Громова);

Относительно говора можно сказать, что одинаков во всем Лавровском краю – цоканье, яканье. Но в Любятове имеются, т. наз. «кайкунь», совершенно особый говор. Они сами объясняют это тем, что они раньше говорили по-латышски. По-моему, отчасти белорусское влияние: нядаўна, дереўня (Н. Валькевич-Розова);

Неоднократно говорили мне: «зачим тябе этии чудяса и святых надо слушать, ведь ты папóва дачкá – в бaтjошки и спрахывай». Или: «на што далґся тябе святыи – аль в номастырь собралася иди?» (З. Жемчужина).

К сожалению, дневники, немногочисленные фрагменты которых процитированы выше, до сих пор не опубликованы полностью. Это же касается и фольклорных материалов русской части архива Эстонского литературного музея, исключительно богатых по жанровому разнообразию, полноте и качеству записей. Есть основания считать, что их обработка и последующая публикация внесут значительный вклад в коллекции русской (и в целом восточнославянской) традиционной народной культуры.

Примечания

¹ Данная статья является расширенной и дополненной версией статьи «Дневники собирателей русского фольклора в архиве Эстонского литературного музея», вышедшей в московском журнале «Живая Старина» (2021, № 4). Публикуется в настоящем сборнике с разрешения редакции журнала.

² Впервые о русской коллекции музея подробно говорила Т. Ф. Мурникова в докладе на Прибалтийской диалектологической конференции (Тарту, 1968; см.: Мурникова 1970). Материалы из этого собрания частично опубликованы (см.: Белоусов 1976 (с обстоятельной вступительной частью на с. 184–198); Vaigla 1998 (небольшая коллекция записей П. Аристе); Морозова; Новиков 2007; Кувайцева 2010).

³ См. также: Пономарева 2003, 406.

⁴ Подробнее об этом на основании многих вводимых в научный оборот документальных свидетельств см. в соответствующих разделах коллективной монографии (Исаков и др. 2001).

⁵ С личными делами В. Егоровой и, далее, З. П. Поляковой из Национального архива Эстонии автору удалось ознакомиться исключительно благодаря вниманию, добрым и заинтересованным усилиям редактора сборника А. А. Федотовой, которая взяла на себя труд контактирования с архивом, пересылки материалов и помощи с текстами на эстонском языке. Если бы не эта бескорыстная работа, то

лакуны предыдущей публикации не были бы заполнены. Приношу ей глубокую благодарность.

⁶ Принадлежность инициалов определена в дипломной (бакалаврской) работе Катрины Тулев: Richard Viidalepp / Рихард Видалепп, см.: Tulev 2014, 15.

⁷ Хотя эта цифра говорит сама за себя, ее особый вес становится еще значительнее, если сравнить сведения из дневника В. Егоровой с количеством обследованных населенных пунктов по данным «относительно многоразовых посещений» Т. Ф. Мурниковой, а именно 18, т. е. вдвое меньшим (Мурникова 1970, 231, 233–234).

⁸ Здесь и далее приведены архивные материалы, расшифрованные Т. Н. Олиферчик. При этом в основном сохранены особенности орфографии и пунктуации оригиналов кроме очевидных описок.

⁹ Н. Г. Валькевич – дочь известного педагога, в 1920–1930-х гг. директора Лавровской школы Григория Михайловича Валькевича; подробнее о Лаврах, школе и ее директорах, в том числе и Г. М. Валькевиче, см. в публикациях тартуского краеведа З. И. Кузнецовой (Кузнецова 2016; Кузнецова 2017, 345–346).

¹⁰ Евгений Александрович Розов (1915–1944), сын А. Е. Розова, бывший врач Северо-Западной армии, в 1919 г. перешедший в Эстонию, в 1930-е гг. – заведующий химико-бактериологической лабораторией Печорской уездной управы (Балтийский архив 2013, 50–51, сноски 100, 104). Как и Нина Валькевич, Е. А. Розов окончил Печорскую гимназию, но на год позже – в 1933 г., а затем учился на математическом (механико-математическом) факультете Тартуского университета в 1936–1941 гг.: URL: http://russianestonia.eu/index.php?title=Печерская_гимназия#.D0.92.D1.8B.D0.BF.D1.83.D1.81.D0.BA.D0.BD.D0.B8.D0.BA.D0.B8_.D1.80.D1.83.D1.81.D1.81.D0.BA.D0.BE.D0.B3.D0.BE_.D0.BE.D1.82.8(дата обращения: 13.05.2021);

https://www.ra.ee/apps/andmed/index.php/matriikkel/view?id=15496&_xr=eNoti1EOQDAQRO%252ByF2CFRMZhZD%252F6sUHLtnwQd9fia968zAgY16IeBO0HEdyAzG27i6kS2RN14NWZ87roqV2eRHOCBRm0PYnl2xVMdj74uwWSabTrKM3Gu77AblsIzA%253D (дата обращения: 13.05.2021). По ряду совпадающих сведений можно установить, что его судьба после эвакуации в 1941 г. (она определяется по нескольким документам) была такова: в 1943 г. Е. А. Розов был призван Кукморским райвоенкоматом в Татарской АССР в Красную армию; в октябре 1944 г. умер от ран в медсанбате в Эстонии и похоронен в д. Лиива / Лийва / эст. Liiva (в других документах неточно: Вииря / Вийра) на о. Муху; подробнее см.: <https://obd-memorial.ru/html/search.htm?f=Розов&n=Евгений&s=Александрович&y=&r> (дата об-

ращения: 13.05.2021); здесь же в одном из документов указан адрес его жены Нины Розовой: д. Языково Тагайского р-на Ульяновской обл. (в оригинале документа от 15.10.1944 – «Ульяновская обл., Таганский р-н, село Язырево»). В другом документе тремя месяцами позже за подписью командира 267 Отдельного медико-санитарного батальона майора О. А. Отсмана (с пометой «Дубликат» и грифом «Секретно»), а именно: «Извещении» о смерти Е. А. Розова, которое было 10.01.1945 г. направлено военному комиссару Эстонской ССР для сообщения жене Нине Розовой, указан ее адрес уже в Таллинне на «ул. Вене-Балти, № 55-10», см.: <https://obd-memorial.ru/html/info.htm?id=10379657> (дата обращения: 13.05.2021); ВОВ 3: 159.

- ¹¹ URL: http://russianestonia.eu/index.php?title=Валькевич_Нина_Григорьевна; <https://www.ra.ee/apps/andmed/index.php/matrikkel/view?id=12720> (дата обращения: 13.05.2021).
- ¹² Позже она опубликовала монографию о творчестве И. С. Шмелева, изданную в переводе также в России, см.: Sorokin 1987; Сорокина 1994.
- ¹³ См.: «Album Academicum Universitatis Tartuensis 1918–1944». URL: https://www.ra.ee/apps/andmed/index.php/matrikkel/view?id=12055&_xr=eNpLtDK0qs60MrB0tDKGMIqtDI2slIpSC0tTi0v0ExNLS5SAYhZWSgWpRal5mbmZIK6llVJAfk5WYnZ%252BWSK1b2ilVAilDZWs2sVpe0a1A%253D%253D (дата обращения: 02.06.2021); также: <https://www.geni.com/people/Zoja-Poljakova/6000000174120624313> (дата обращения: 02.06.2021).
- ¹⁴ URL: http://russianestonia.eu/index.php?title=Печерская_гимназия#.D0.92.D1.8B.D0.BF.D1.83.D1.81.D0.BA.D0.BD.D0.B8.D0.BA.D0.B8_.D1.80.D1.83.D1.81.D1.81.D0.BA.D0.BE.D0.B3.D0.BE_.D0.BE.D1.82.D0.B4.D0.B5.D0.BB.D0.B5.D0.BD.D0.B8.D1.8F (дата обращения: 02.06.2021).
- ¹⁵ Брак с Валентином Ивановичем Поляковым (1915–2001). URL: <https://www.geni.com/people/Valentin-Poljakov> (дата обращения: 02.06.2021).
- ¹⁶ URL: https://pechbook.ru/u/manuscript_2 (дата обращения: 09.02.2022).
- ¹⁷ Уточнение рецензента статьи.
- ¹⁸ Эта и следующие фотографии и подписи к ним сделаны В. Егоровой. Сканированные копии фотографий любезно подготовила для статьи сотрудница Эстонского литературного музея Ольга Ивашкевич, за что автор приносит ей глубокую благодарность.

¹⁹ Даты даны по старому стилю. Какие именно праздники выпадали на воскресенье и понедельник 23 и 24 мая 1937 г. (5 и 6 июня по григорианскому календарю) установить не удалось. Правда, таллиннская газета «Вести дня» № 112 от 24 мая поместила заметку о прошедшем накануне «Дне кончающих начальные школь» в Петсерском (Печорском) крае, но есть обоснованные сомнения в том, что его не только широко отмечали в воскресенье, но продолжали также в понедельник и даже на следующий день («опохмелки»).

²⁰ У выносной иконы.

²¹ В этом и следующем фрагментах курсив автора статьи.

Список цитированных источников

А. С. 1933 – С[околов], А. Из жизни студентов. In: *Вести дня*. Таллин. № 198.

Балтийский архив 2013 – *Балтийский архив : Русская культура в Прибалтике XIII. «Только Вы поймете следующий текст...»: переписка Н. Е. Андреева и Л. Ф. Зурова* [редкол.: И. Белобровцева [и др.]. Таллин.

Белоусов, А. Ф. 1976. Песни и сказки русского населения Эстонии. In: *Фольклор русского населения Прибалтики*. Москва: Наука, 184–241.

ВОВ 3 – *Великая Отечественная война, 1941–1945. Документы и материалы*. 2015. III: Национальные формирования Красной армии. Москва: Воевода.

Исаков, Сергей и др. 2001. *Русское национальное меньшинство в Эстонской Республике (1918–1940)*. Тарту; Санкт Петербург: Крипта.

Кувайцева, М. 2010. *Застолица: Кухня староверов Эстонии*. Тарту: HUMA.

Кузнецова, Зоя 2016. «Кому ж писать я буду оды?» (О поэтах Лавров 20-х – 30-х годов XX века). In: *Шестые Псковские региональные краеведческие чтения (Печоры, 9–11 окт. 2015 г.)*. Кн. 2. Ред.-сост. Т. В. Вересова. Псков, Москва: Тип. Onebook ООО «Сам Полиграфист», 333–352.

Кузнецова, Зоя 2017. Лавры в дневниках, письмах и воспоминаниях. In: Т. Вересова (ред.-сост.) *VII Псковские международные краеведческие*

- чтения: *Материалы Междунар. науч.-практ. конф. (Псков, 13–15 окт. 2017 г.)*. Псков: Псковский гос. ун-т, 130–140.
- Морозова, Надежда & Новиков, Юрий 2007. *Чудное Причудье : Фольклор староверов Эстонии*. Редкол.: П. Варунин [и др.]. Тарту: НУМА.
- Мурникова, Татьяна 1970. Русские фольклорные и диалектные материалы в Государственном Литературном музее им. Фр.-Р. Крейцвальда в Тарту. In: *Труды Прибалтийской диалектологической конференции, 1968 г.* Тарту: Тартус. гос. ун-т, 227–237.
- Пономарева, Галина 2003. Студенты славянского отделения Тартуского университета (1919–1944). In: *200 лет русско-славянской филологии в Тарту*. Ред. А. Д. Дуличенко. Tartu, 404–414. *Slavica Tartuensia V*.
- Пономарева, Галина & Шор, Татьяна 2008. Славянская филология в Тартуском университете в 1941–1944 гг. In: *Труды по русской и славянской филологии. Литературоведение. VI* (Новая серия): к 85-летию Павла Семеновича Рейфмана. Редкол.: И. Белобровцева [и др.]. Тарту: Tartu Ülikooli Kirjastus, 280–300.
- Сорокина, Ольга Н. 1994. *Московиана: жизнь и творчество Ивана Шмелева*. Москва: Моск. рабочий: Скифы. (Переиздана в 2000 г.).
- Шмидт, Вера 1999. Из воспоминаний об обществе русских студентов. Публ. и коммент. Л. Киселевой. In: *Труды по русской и славянской филологии. Литературоведение. III*: к 40-летию «Тартуских изданий». Тарту: Tartu Ülikooli Kirjastus, 274–319.
- Arhivaal Rahvusarhiiv Tallinnas – ERA.R-1106.2.218; ERA.R-1106.2.539 Poljakov, Zoja.
- ERA Vene – Eesti Rahvaluule Arhiivi kogu 1927–1944. Tartu. T. 8, 10–13.
- Raevsky Hughes, Olga, et al. 2017. *Olga Sorokin-Vasiliev Lecturer in Russian, UC Berkeley, 1916–2016: In Memoriam*. <https://senate.universityofcalifornia.edu/in-memoriam/files/olga-sorokin-vasiliev.html>
- Rahvusarhiiv – ERA.2966.7.1075 Egorov, Valeria.
- Rahvusarhiiv Rakveres – Poljakova Zoja Pauli t. LVMA.64ОНА3k.
- R. V. 1937 = R. V. [Viidalepp, Richard]. Seitsmes aruanne rahvaluule kogumisest (1. VI–30. IX.1937). In: *Rahvapärimeste selgitaja*, 3, 101–103.
- Sorokin 1987 – Sorokin, Olga. *Moscoviana: The Life and Art of Ivan Shmelyov*. Oakland: Barbary Coast Books.

- Tulev, Katrina 2014. Eesti Rahvaluule Arhiivi fotokogu kujundamisprintsipiidest 20. sajandi alguse vaadete kontekstis Richard Viidalepa fotode näitel [On the design principles of the photo collection of the Estonian Folklore Archive in the context of the views of the beginning of the 20th century: Richard Viidalepa's photos case study]. BA dissertation. Tallinn: Tallinn University.
- Vaigla, Eda 1998. Пауль Аристэ и собрание материалов 20–30 гг. по русским диалектам и фольклору в Литературном музее Эстонии. In: *Языки малые и большие...*: In memoriam acad. Nikita I. Tolstoi. Ред. А. Д. Дуличенко, 301–309. Slavica Tartuensia IV.

References

- Arhivaal Rahvusarhiiv Tallinnas [National Archives in Tallinn]. ERA.R-1106.2.218; ERA.R-1106.2.539 Poljakov, Zoja.
- A. S. 1933. S[okolov], A. 1933. Iz zhizni studentov [From the student life]. In: *Vesti dnja*. Tallinn, 198, 25 avg.
- Baltiiskij arhiv 2013. *Baltiiskij arhiv: Russkaya kul'tura v Pribaltike* [Baltic Archive: Russian Culture in the Baltic States] XIII. «Tol'ko Vy pojmete sleduyushchij tekst...» : perepiska N. Andreeva i L. Zurova. Tallinn.
- Belousov, Aleksandr 1976. Pesni i skazki russkogo naseleniya Estonii [Songs and tales of the Russian population of Estonia]. In: *Fol'klor russkogo naseleniya Pribaltiki*. Moskva: Nauka, 184–241.
- ERA Vene. Eesti Rahvaluule Arhiivi kogu [Collection of the Estonian Folklore Archive] 1927–1944. Tartu. T. 8, 10–13.
- Isakov, Sergei 2001. *Russkoe nacional'noe men'shenstvo v Estonskoj Respublike* [Russian national minority in the Republic of Estonia] (1918–1940). Tartu; Sankt Peterburg: Kripta.
- Kuvajceva, Marija 2010. *Zastolica: Kuhnya staroverov Estonii* [Zastolica: Estonian Old Believers Cuisine]. Tartu: HUMA.
- Kuznecova, Zoia 2016. «Komu zh pisat' ya budu ody?» (O poetah Lavrov 20-h – 30-h godov XX veka) [«To whom will I write the odes?» (On the Lavry poets of the 1920s – 1930s)]. In: *Shestye Pskovskie regional'nye kraevedcheskie chteniya* (Pechory, 9–11 okt. 2015 g.). II. Pskov & Moscow: Tip. Onebook OOO «Sam Poligrafist», 333–352.
- Kuznecova, Zoia I. 2017. Lavry v dnevnikah, pis'mah i vospominaniyah [Lavry in diaries, letters and memoirs]. In: *VII Pskovskie*

- mezhdunarodnye kraevedcheskie chteniya: Mat-ly Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (Pskov, 13–15 okt. 2017 g.)*. Pskov: Pskovskij gos. universitet, 130–140.
- Morozova, Nadezhda A.; Novikov, Yurii A. 2007. *Chudnoé Prichud'e: Fol'klor staroverov Estonii* [Wonderful Prichud'e : Folklore of Estonian Old Believers]. Tartu: HUMA.
- Murnikova, Tatiana F. 1970. Russkie fol'klornye i dialektnye materialy v Gosudarstvennom Literaturnom muzee im. Fr.-R. Krejcvvalda v Tartu [Russian folklore and dialect materials in the Fr.-R. Kreutzwald State Literary Museum in Tartu]. In: *Trudy Pribaltijskoj dialektologicheskoy konferencii. 1968 g.* Tartu: Tartus. gos. universitet, 227–237.
- Ponomareva, Galina M. 2003. Studenty slavyanskogo otdeleniya Tartuskogo universiteta [Students of the Slavic Department of the University of Tartu] (1919–1944). In: *200 let russko-slavyanskoj filologii v Tartu*. Tartu: Tartus. gos. universitet, 404–414. Slavica Tartuensia V.
- Ponomareva, Galina & Shor, Tat'yana 2008. Slavyanskaya filologiya v Tartuskom universitete v 1941–1944 gg. [Slavic Philology at the University of Tartu in 1941–1944]. In: *Trudy po russkoj i slavyanskoj filologii. Literaturovedenie. VI (Novaya seriya): K 85-letiyu Pavla Semenovicha Rejfmanna*. Tartu: Tartu Ülikooli Kirjastus, 280–300.
- Raevsky Hughes, Olga, et al. 2017. *Olga Sorokin-Vasiliev Lecturer in Russian, UC Berkeley, 1916–2016: In Memoriam*. <https://senate.universityofcalifornia.edu/in-memoriam/files/olga-sorokin-vasiliev.html> (data dostupa – 13.05.2021).
- Rahvusarhiiv [National Archives]. ERA.2966.7.1075 Egorov, Valeria.
- Rahvusarhiiv Rakveres [The National Archives in Rakvere] – Poljakova Zoja; Pauli t. LVMA.64OHA3k.
- R. V. 1937. = V[iidalepp], R[ichard] 1937. Seitsmes aruanne rahvaluule kogumisest [The Seventh Report on Folklore Collection] (1. VI–30. IX.1937). In: *Rahvapärimeste selgitaja*, 3, 101–103.
- Shmidt, Vera 1999. Iz vospominanij ob Obshestve russkih studentov [From the memoirs of the Society of Russian Students]. In: *Trudy po russkoj i slavyanskoj filologii. Literaturovedenie. III : K 40-letiyu «Tartuskih izdanij»*. Tartu : Tartu Ülikooli Kirjastus, 274–319.
- Sorokin, Olga 1987. *Moscoviana: The Life and Art of Ivan Shmelyov*. Oakland: Barbary Coast Books.
- Sorokina, Olga N. 1994. *Moscoviana: zhizn' i tvorcestvo Ivana Shmeleva* [Moscoviana: The Life and Art of Ivan Shmelyov]. Moskva: Mosk. rabochij ; Skify. (pereizdana v 2000 g.).

- Tulev, Katrina 2014. *Eesti Rahvaluule Arhiivi fotokogu kujundamisprintsipiidest 20. sajandi alguse vaadete kontekstis Richard Viidaleppa fotode näitel* [On the design principles of the photo collection of the Estonian Folklore Archive in the context of the views of the beginning of the 20th century: Richard Viidaleppa's photos case study]. Bakalaureusetöö. Tallinna Ülikool.
- Vaigla, Eda 1998. Paul Ariste i sobranie materialov 20–30 gg. po russkim dialektam i fol'kloru v Literaturnom muzee Estonii [Paul Ariste and the 1920–1930s datasets on Russian dialects and folklore at the Literary Museum of Estonia]. In: *Yazyki malye i bol'shie...: In memoriam acad. Nikita I. Tolstoi*. Tartu: Tartu Ülikool, 1998, 301–309. Slavica Tartuensia IV.
- VOV 3, 2015. *Velikaya Otechestvennaya vojna. 1941–1945. Dokumenty i materialy. Tom III: Nacional'nye formirovaniya Krasnoj armii* [Great Patriotic War, 1941–1945. Documents and materials. Vol. 3: National formations of the Red Army]. Moskva: Izd. centr «VOEVODA».

Summary

Russian folklore collectors and their diaries (the archive of the Estonian Literary Museum)

Nikolai Antropov

Keywords: Estonian Literary Museum, “Russian collection”, folklore, collectors’ diaries, Estonian Russians

The “Russian Collection” of the Folklore Archive of the Estonian Literary Museum (Tartu) contains the field diaries of the collectors – they were the students of the University of Tartu who did their folklore internship in the museum. These diaries are valuable artefacts of the late 1930s which reflect the life of the local population of the Lake Peipsi region, their social and spiritual life before the start of the Soviet occupation of Estonia and the World War II. The article analyzes the content of the collectors’ diary entries in accordance with the common themes and motives: routes and maps; working conditions; life, material aspects of life of the local population; traditional spiritual culture; religious and secular life; weekdays and holidays; portraits and characteristics of informants; notes on local dialects.